

A detailed digital illustration of a man and a woman in a forest setting. The man, on the right, has long, flowing white hair and a serious expression. He has a dark, vertical scar on his forehead and is wearing a dark purple, high-collared coat with ornate silver embroidery and a blue gemstone brooch. The woman, on the left, has long, wavy teal hair and is looking towards the man. She is wearing a light-colored, possibly white, garment. The background shows a misty forest with bare trees and a window in the distance. The overall mood is dramatic and romantic.

Варвара Леонар

Огонь моей клятвы и лёд его
глаз: между мстью и судьбой

Варвара Леонар

**Огонь моей клятвы и лёд его
глаз: между мстью и судьбой**

«Автор»

2026

Леонар В.

Огонь моей клятвы и лёд его глаз: между мстостью и судьбой /
В. Леонар — «Автор», 2026

Марсела Верандер — девушка из некогда почитаемого рода Ним, который был уничтожен, когда ей исполнилось восемь лет. Её цель — отомстить Архонту, отдавшему роковой приказ, а также всем, кто был к этому причастен. Чтобы приблизиться к осуществлению своего замысла, она оканчивает магическую академию, лелея надежду, что благодаря своей уникальной магической силе будет направлена на службу во дворец к Архонту. Однако её планы рушит один знатный господин — опасный и властный на вид. Что же победит: огонь моей клятвы отомстить или его холодный, притягательный взгляд?

© Леонар В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Варвара Леонар

Огонь моей клятвы и лёд его глаз: между мстью и судьбой

Глава 1. Встреча

Моя история начинается с трагических событий, которые ранили моё сердце и растерзали душу, словно дикое животное, вцепившееся когтями в самое хрупкое, что у меня было. Ровно десять лет назад я потеряла всю свою семью — и с тех пор тишина в нашем доме стала громче любого крика.

Моя земля Лилана находилась на южном краю от центра королевства Хазим — такой далёкой и в то же время такой родной, будто сама природа шептала мне: «Ты здесь своя». На ней проживал славный род Нима, управлявший этим уделом. Я принадлежала к этому роду. Все представители нашего рода отличались вольным характером, умом и справедливостью, а также невероятным магическим мастерством — и теперь эти достоинства казались мне не даром, а проклятием, ведь именно это и стало печатью смерти, наложенной на мое отечество недругами.

В тот день поступил приказ моему отцу — лорду Мару Ниму, главе рода, — от Великого Архонта о повышении налогов земли Лиланы на непосильные тридцать процентов. При этом в остальные девятнадцать земель, как я выяснила позже, данный налоговый закон не вводился. Когда отец отказался исполнять приказ, в его голосе звучала не дерзость, а твёрдая уверенность человека, который знает цену чести. Я помню, как он стоял у окна, глядя на палящее солнце, освещающее всю комнату, и тихо произнёс: «Мы не позволим сломать то, что строили поколениями». Эти слова до сих пор звенят у меня в ушах, словно предвестники беды.

В этот же день, вечером, на нас напали войска Великого Архонта. Они перебили всех: моего отца, матушку, сестрёнку. Каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить их лица, перед глазами встаёт лишь кровавокрасный отсвет, заливающий коридоры и залы. Мне удалось укрыться в лесу — я бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и царапая руки о ветки, а в голове стучала единственная мысль: «Только бы не дышать, только бы не выдать себя». Я знала, если во мне потухнет жизнь, кто пронесет эту боль, кто омоет реки кровью наших врагов.

Воспоминания о том дне обрывочны — мне было восемь лет, и разумеется, словно милосердный страж, прятал от меня самые страшные картины. Но багровый цвет, в который окрасился наш дворец, до сих пор является мне во снах.

Моя дальнейшая судьба зависела только от меня — и от этой мысли внутри всё сжималось от страха и одновременно разгоралось упрямое, почти отчаянное пламя: я не позволю страху победить. Моим главным врагом стал Архонт, и с каждым днём ненависть к нему сплеталась в груди с горечью, острой, как осколок разбитого зеркала. Я поняла, что живу для того, чтобы восстановить справедливость, изменить судьбу этого королевства — и эта цель стала моим якорем в бушующем море одиночества.

Я сменила своё имя и фамилию, будто сбрасывая старую кожу, чтобы никто не нашёл во мне ту испуганную девочку из рода Нима. С того дня я жила жизнью Марселы Верандер. Новое имя на языке ощущалось непривычно, словно чужая маска, но я повторяла его снова и снова, пока оно не стало звучать как правда. Я приняла решение о том, что должна поступить в Академию магии при дворе всемирного Архонта. Это было бы началом моего пути мести, к тому же, я понимала, что мала возрастом, в мире выжить мне было бы практически невозможно самостоятельно, а академия стала бы для меня приютом, который дал мне еду, кров

и образований. Я слышала о ней от отца, так как знала, что все дворцовые слуги были выходцами из нее. Лорды всех земель доверяли качеству образования тех мест, при этом наиболее талантливые из выпускников становились личной охраной лордов.

Десять дней, в возрасте восьми лет, я добиралась до Академии магии при дворе всемирного Архонта. В Академии я проходила испытания, необходимые для посвящения — жёсткие, безжалостные, выжимающие из меня все силы. Помню, как дрожали мои руки, когда я впервые подняла взгляд на суровые лица экзаменаторов, и как внутри всё кричало от желания развернуться и убежать. Но я стояла прямо, глядя вперёд, потому что знала: если сейчас дрогну, то предам себя, свои же убеждения. Когда мне объявили, что я принята, в груди вспыхнуло что-то новое — не радость, а твёрдая, холодная решимость.

— Эй, Марсела, чего застыла, будто статуя? — внезапно спросила моя соседка по комнате Анна, вырвав меня из урагана внезапно нахлынувших воспоминаний.

— Да думаю о том, какой большой путь мы прошли — Я улыбнулась, но улыбка вышла грустной: она словно предавала меня, выдавая каждую мою мысль.

— Это всё очень здорово, но хочу напомнить: сегодня самый важный день в нашей жизни! Конец обучения — мы узнаем, к лорду какой земли нас представят! — Анна подпрыгнула на месте, глаза у неё горели, как два ярких огонька. — Собирайся скорее! Надо быть такими красивыми, чтобы даже деревья в саду завидовали.

— В нарядах нет смысла: распределение произойдёт по проверке объёма силы и её качества. — Я покачала головой, пытаюсь вернуть её с небес на землю.

Анна всегда была мечтательницей. С самого первого дня мы стали с ней неразлучны. Вместе учились управляться с магией, которая то и дело выходила из-под контроля, создавая нелепые ситуации. Однажды мы были на уроке магической истории. Как всегда, сидели вместе, словно птички-неразлучники. Профессор Кикидор монотонно рассказывал:

— Великие божества преподнесли человечеству магические дары: Гелеф дал огонь, Каила — воду, Крон — землю, Палис — воздух, Флан — разум. Эти элементы называются первородной магией. Её обладатели встречаются крайне редко. От первородной магии произошли другие виды волшебства, которые называются профильными магическими силами. Например, магия льда, тумана, морока, — спокойным голосом докладывал профессор.

— Марсела, ты же владеешь этой редкой магией воды как там первородной, — шёпотом, наклонив голову ко мне и прикрыв рукой рот, чтобы не услышал профессор, говорила Анна.

— Это так, но главное — это как ты владеешь своими чарами. Например, ты в использовании своей магии целителя невероятно преуспела. Исцеляешь меня каждый день от этих серых, тоскливых занятий, — так же шёпотом ответила я Анне, тепло улыбнувшись ей. В груди от чего-то становилось легче, стоило только взглянуть на её живое, полное энергии лицо.

Она тихо начала посмеиваться.

— Давай покажу профессору, что у меня первородная магия, — сказала я Анне, подняв одну бровь с ехидным выражением лица. Внутри всё трепетало от дерзкой, детской затеи — хотелось хоть на миг нарушить эту тягучую, монотонную тишину урока.

— Эй, что ты задумала? — спросила Анна, смотря на меня слегка напуганными глазами. В них читалась не только тревога, но и то самое предвкушение шалости, которое мы обе так любили, хоть и старались делать вид, что мы — самые прилежные ученицы.

Я вытянула указательный палец, направив его в сторону статуэтки льва, которая стояла на столе профессора, а затем выпустила небольшую водную пулю. Она сорвалась с кончика пальца стремительной, сверкающей каплей и с лёгким стуком сбила статуэтку. Та упала, глухо звякнув, и в классе на мгновение воцарилась звенящая тишина.

Досталось мне сильно в тот день: выговор, дополнительные отработки, долгие нравоучения о том, как опасно бездумно использовать силу, но даже тогда, стоя перед строгим взглядом

профессора, я не могла стереть с лица едва заметную улыбку — ведь в глазах Анны я видела не упрёк, а восхищение и ту самую искру, ради которой стоило рискнуть.

А нынче нам уже по восемнадцать лет, все уроки позади, и эта мысль сильно меня радует — словно тяжёлые двери академии наконец распахнулись, выпуская нас во взрослую жизнь. Но одновременно она доставляет острую, щемящую боль: ведь мы с Анной разведемся, наши пути разойдутся по разным землям, и жизнь уже никогда не будет прежней. И от этой мысли хочется одновременно и смеяться, и плакать.

Потратив на сборы полчаса, мы наконец-то вышли в сад, который находился в центральной части академии. Он был переполнен такими же выпускниками и выпускницами, как я.

Я посмотрела, прищурив свои зелёные глаза, на мансардные окна, выходившие в сад, — они пустовали. Все знали, что именно через них будут смотреть на нас посланники глав орденов. Я уже представляла их надменные, оценивающие взгляды: их лорды хотели набрать себе прислугу, которая будет выполнять работы во дворцах.

— Моя судьба решена: я стану придворным лекарем, — уверенно сказала Анна. — Но моей мечтой остаётся дворец Архонта в столичной земле Микелне. Но туда невероятно сложно пробраться: берут только выдающихся талантов. А ты куда хотела бы попасть?

— Так же, — стиснув зубы, сказала я. — Мне просто жизненно необходимо попасть туда, Анна. У меня нет вариантов, и, безусловно, моя судьба — стать личным охранником лорда, дух воина живет во мне.

— У тебя необычная магия. Наверняка тебя возьмут именно туда: на нашем потоке больше ни у кого нет первородной магии, — с искренней улыбкой и мягким голосом ответила она.

— Мне надо отойти в уборную, — промолвила я, а в глазах кипела ярость от разговора об Архонте.

Я вышла из сада, заполненного людьми, на лестничный пролёт, ведущий на второй этаж академии. Шум и гомон остались позади, а здесь, наверху, воздух будто стал гуще.

Поднявшись, я шла по коридору, не поднимая глаз, глядя себе под ноги. Коридор был наполнен не просто молчанием, а каким-то звенящим умиротворением —будучи резким контрастом к бурлящему саду. Но это спокойствие лишь сильнее подчёркивало бурю внутри меня. Мои мысли вновь затуманивали ненависть и гнев — тяжёлые, едкие, словно дым от жженого пластика, они разъедали рассудок. Я ненавидела это чувство, потому что слишком хорошо знала: оно ослепляет, лишает осторожности, заставляет совершать ошибки. А сейчас мне нужно было быть холодной, собранной, не выдать себя ни взглядом, ни жестом — не дать этим эмоциям разрушить все планы, к которым я шла столько лет.

Сжав руки в кулаки так, что ногти впились в ладони, я почти бежала, не замечая ничего вокруг. И вдруг нога скользнула по гладкому камню пола — я поскользнулась, подлетела и, потеряв равновесие, распласталась на холодном полу коридора. Удар отозвался тупой болью в локтях и спине.

Мой взор упёрся в высокий потолок с витиеватой лепниной, и от нелепости ситуации у меня вырвался короткий, нервный смех. В голове мелькнула горькая мысль: «Вот он, знак: если не научусь держать себя в руках, то в следующий раз упаду не на пол, а прямоком на гильотину».

Я встала, торопливо отряхивая одеяния, и параллельно ощупывала локти и ладони — проверила, не ушиблась ли. «Ничего, бывает Главное, никто не видел», — подумала я, поднимая голову и стараясь вернуть лицу привычное спокойное выражение.

И тут же моё сердце будто пропустило удар. Передо мной стоял высокий мужчина — очень высокий. Я сама не из низких, но он возвышался надо мной, словно башня, — два метра ростом, не меньше. На нём был серый дорогой костюм, сидевший идеально, будто сшитый

специально по его фигуре. Белые волосы слегка растрепались, придавая ему не небрежность, а какуюто хищную, опасную элегантность. Он наклонил голову чуть набок и смотрел искоса, надменно, с едва уловимой презрительной полуулыбкой. Его чёрные глаза скользили по мне, как по пустому месту, — холодные, равнодушные, они смотрели на меня так, будто я была не больше, чем пылинкой, случайно попавшей в поле его зрения.

В груди всё сжалось, и на мгновение гнев уступил место другому чувству — острой, колючей уязвимости. Я выпрямилась, расправила плечи и заставила себя не отводить взгляд. Пусть он видит не испуганную девочку, а ту, кто знает, чего хочет, и готов бороться за свою судьбу.

— Что? Никогда не видел, как человек падает? — спросила я нервно, чуть прикрикивая — голос дрогнул, выдавая и злость, и неловкость, и желание хоть как-то вернуть себе контроль над ситуацией.

— Ну, такой красивый полёт точно никогда не видел, — ответил он, приподняв обе брови. Лицо оставалось совершенно спокойным, будто он наблюдал не за опозорившейся девушкой, а за чем-то заурядно-забавным.

— Как здорово, очень рада, что рассмешила такого ба... — начала я, но осеклась на полуслове. Слова застряли в горле, когда до меня вдруг дошло: я никогда раньше не видела этого мужчину. Это точно не профессор и не работник академии. А если так — значит, это представитель одного из лордов. Осознание ударило, как ледяной водой: ставки мгновенно взлетели, и каждая моя фраза теперь могла стоять мне будущего.

Я расплылась в неловкой улыбке, резко сменяя тон с дерзкого на притягательномилый — будто одним движением могла стереть из его памяти и падение, и свой резкий выпад. Улыбка вышла натянутой, и я чувствовала, как она дрожит на губах, выдавая моё напряжение.

— Ух, могли бы и помочь, господин, — наигранно засмеялась я, но смех прозвучал фальшиво, тонко и звонко, как треснувшее стекло.

Он продолжал смотреть на меня тем самым странным взглядом, от которого становилось не по себе: в нём не было ни злости, ни участия — только ледяное, неприкрытое чувство превосходства. И от этого взгляда меня пробирало до мурашек, будто я стояла перед ним не в парадном платье выпускницы, а в чём-то нелепом и слишком маленьком.

«Представитель лорда. Ух ты, какой крутой и нахальный парень. Конечно, кто я такая, чтобы он мне помогал», — мелькнуло в голове, и внутри всё сжалось от горькой смеси обиды и упрямого желания не показать эту обиду ни единым движением.

— «Такого» — это какого? — твёрдым, ровным голосом спросил мужчина в сером костюме. В его тоне не было любопытства — скорее вызов, будто он хотел поймать меня на слове и заставить признаться, что я сама не знаю, что говорю.

— Такого красивого мужчину, — мило промолвила я, опустив ресницы и придав лицу фальшивовиноватое выражение. Я надеялась, что моё красивое личико и женское обаяние хоть немного растопят этот ледяной взгляд и позволят забыть о неловкой ситуации. В тот момент я была готова сыграть любую роль — лишь бы не выглядеть слабой.

Он ничего на это не ответил. Просто окинул меня быстрым, оценивающим взглядом — с ног до головы, будто сканировал не внешность, а саму суть, выискивая скрытые изъяны. А потом развернулся и пошёл дальше по коридору, не оборачиваясь, не замедляя шага, словно я перестала существовать сразу же, как только перестала быть забавной.

Я ещё секунду стояла, чувствуя, как внутри всё дрожит от смеси унижения и упрямой злости на саму себя за эту нелепую ситуацию. А потом резко выдохнула, опустила плечи, будто сбрасывая с них невидимый груз, и быстро спустилась вниз, снова выйдя в сад. Шум голосов и смех выпускников накрыли меня, как тёплая волна, и на мгновение стало чуть легче — будто среди людей я снова могла спрятаться и стать просто одной из многих.

— Быстрее, сюда, Марсела! — крикнула мне Анна, махая рукой. — Уже заносят измерительную сферу магической силы!

Я посмотрела на мансардные окна вновь и увидела, что там уже собрались представители лордов от всех земель. Сильнее прищутив глаза, я разглядела того самого мужчину в сером костюме — его взгляд был направлен прямо на меня. «Только бы он не был от столичной земли. Это всё, о чём я мечтаю сейчас», — пронеслось у меня в голове.

— Внимание! Уважаемые маги, выпускники! Преследуя многовековую традицию нашей академии, объявляю выпускной вечер открытым! Каждый из вас должен будет подойти к сфере, расположенной в центральной части сада на пьедестале, приложить свою руку к ней, после чего дожидаться вердикта лордов о вашем направлении в их земли. Также вам будет присвоена придворная профессия, — громко объявлял директор академии Магнус Лютербунг.

Я стояла с гордо поднятой головой, выслушивая все наставления директора, и внутри меня крепла уверенность. Я преисполнилась мыслью о том, как талантливо проявляла себя на уроках магического боевого мастерства. К тому же у меня была отличная успеваемость. Профессора не раз отмечали мой пытливый, гибкий ум — и сейчас эти слова словно придавали мне сил, напоминая, что я заслуживаю своего места под солнцем.

— Агнису Пилис прошу пройти к сфере, — объявил директор.

Агниса подошла к сфере. После пятиминутного совещания хозяев торжества директор огласил вердикт: она направляется в дворец лорда Грасса, что в землях Мисси, в должности придворного повара.

После неё прошли ещё тридцать человек, среди которых была и Анна — её направили лекарем в земли Рапуна. И вот, спустя два часа, очередь дошла до меня.

— Марсела Вернандер, прошу подойти к сфере, — раздался голос директора, и от этих слов по спине пробежал ледяной холодок, будто кто-то провёл по коже остриём стилета.

Я стремительно пошла в центр сада, обходя толпу людей. В груди всё сжалось, каждый шаг отдавался глухим стуком в висках. Поджав губы, я подняла взгляд к небу — по синему полотну медленно плыли редкие облака, такие спокойные. Я дотронулась до сферы, и её гладкая, чуть прохладная поверхность отозвалась едва уловимой вибрацией под пальцами. В тот миг я думала лишь об одном: «Мне очень надо попасть в столицу. Только туда. Пожалуйста, пусть всё сложится».

Затем я развернулась в сторону мансардного окна. Там началось оживлённое обсуждение моей персоны — конечно же слышно, о чем они говорят не было, да и догадаться было невозможно. Но вдруг мужчина в сером костюме, с которым я столкнулась в коридоре, что-то произнёс — и в ту же секунду все разговоры уважаемых господ прекратились. Шум оборвался, будто кто-то резко дёрнул за невидимую нить. Обсуждение прекратилось, так и не успев по-настоящему начаться, и от этой внезапной тишины стало ещё страшнее. Наступила звенящая пауза — момент истины, которого я так ждала и так боялась.

— Марсела Вернандер, вы отправляетесь к лорду Андрасу Палинит, что в землях Карели, — с лёгким удивлением в голосе сказал директор. Он сделал небольшую паузу, словно сам не до конца верил в то, что произносит, а потом продолжил, уже твёрже: — В должности придворной служанки.

— С-служанки? — вырвалось у меня дрожащим голосом, который тут же выдал всё: шок, боль, крушение надежд. Мир будто раскололся на осколки, и каждый из них резал изнутри. Мои мечты, столько лет лелеемые, рассыпались в прах. Земли Карели Самая дальняя земля в королевстве — крошечная, почти безлюдная, затерянная на краю мира. А должность служанки... Это звучало как насмешка, как жестокий удар ниже пояса. «Это неправда, — мелькнуло в голове. — Это какая-то ошибка, дурной сон. Сейчас кто-то рассмеётся и скажет, что это шутка».

Директор лишь утвердительно наклонил голову, будто этим простым движением окончательно запечатал мою судьбу, и тут же объявил следующего выпускника. Его голос звучал где-то далеко, словно сквозь толщу воды.

«Да мы просто для них нелюди Игрушки. Они будут издеваться над нами, как захотят. Мы — рабы положения, рабы жизни, рабы судьбы. И у меня даже нет права возразить, отказаться» — эти горькие мысли кружились в голове, острые и безжалостные, как осколки стекла.

— Марси, я не могу просто в это поверить. Кто-то точно строит тебе козни! За последние годы представитель лорда Андраса никого не выбирал. Никто даже не знает, как он выглядит, — с округлыми от потрясения глазами прошептала Анна, схватив меня за руку. Её пальцы были тёплыми, живыми — и эта теплота на мгновение пробилась сквозь мое ледяной оцепенение.

Я ничего не ответила. Не было слов, способных описать то, что творилось внутри: смесь ярости, отчаяния и какой-то упрямой, глухой решимости. Но в глубине души я уже знала: это не конец моей истории. Я не позволю этому назначению сломать меня. Я справлюсь. Добьюсь своего, любыми способами. Надо только придумать как.

Я чувствовала, как меня охватывает жар, а в висках нарастает тупая, давящая боль — мигрень накатывала волнами, словно тело отказывалось принимать реальность. Дрожь ломала кости, а мрачные мысли терзали душу, но где-то в самой глубине, под слоями боли и обиды, тлело одно: «Я не сдамся. Я найду способ всё изменить».

До окончания церемонии я не проронила ни слова. То и дело я замечала, как на меня косятся люди. Кто-то смотрел с чувством превосходства — будто уже заранее считал меня недостойной, кто-то — с сочувствием, и от этих взглядов становилось только горше, а кто-то — с удивлением, словно не мог понять, как вообще меня могли куда-то назначить.

Директор приказал забирать свои вещи, которые были собраны нами заранее, попрощаться со всеми, а затем выходить на главную дорогу, где нас будут ждать экипажи, которые отвезут в дворцы тех земель, куда нас распределили.

И вот я уже стою на дороге и вижу, как роскошные экипажи из нескольких карет забирают новоназначенных магов. Пыль медленно оседает на камни, а в груди всё сжимается от странного ощущения: будто я смотрю на чужую жизнь, а моя собственная где-то потерялась.

Вдруг директор обратился ко мне и сказал:

— Пора, твой экипаж прибыл.

Я не могла поверить своим глазам: передо мной стояла всего одна небольшая карета — скромная, почти незаметная на фоне пышных экипажей. Сердце ухнуло куда-то вниз, но я высоко подняла голову, не позволив ни единой слезинке выдать мою боль. Я направилась к ней, а потом обернулась и отправила воздушный поцелуй своей дорогой подруге. Она шутливо его «поймала» и приложила к сердцу. Её улыбка, такая живая и светлая, дала мне сил, как обычно. Хоть у неё всё сложилось хорошо — за неё мне было спокойно.

Я подошла к карете и приоткрыла тканевую занавеску. И тут дыхание на миг остановилось: внутри непринуждённо сидел мужчина в сером костюме — тот самый, с которым мы ранее встретились в коридоре. Он смотрел в окно, будто весь этот выпускной переполох его вовсе не касался.

— Здравствуйте, — произнесла я спокойным, но расстроенным голосом, в котором всё же прорвалась едва уловимая дрожь.

Он даже не обернулся. Этот равнодушный жест ранил сильнее любых слов. Разочарования в этот день, казалось, не собирались заканчиваться — они накатывали волнами, одна за другой.

Добираться было долго — целых пять часов, даже с учётом того, что кучер использовал магию для ускорения кареты. Время тянулось мучительно, будто кто-то нарочно растягивал каждую минуту, превращая её в час. Карета была невероятно тесной. То и дело на выбоинах

я сталкивалась ногами с мужчиной, сидевшим, напротив. Каждое такое столкновение отзывалось во мне вспышкой раздражения, смешанного со стыдом — словно я сама была виновата в этой тесноте и неловкости.

После очередного удара я не выдержала. Внутри всё вскипело, и слова сорвались с языка прежде, чем я успела их удержать:

— Вы меня, конечно, извините. Я удивлена, что сижу прямо в карете с человеком, столь глубоко почитаемым лордом, который удостоен такого звания. Спасибо за это, — в моём голосе скользнула горькая, едва уловимая ирония. — Однако почему карета всего одна и такая маленькая? Это же нарушает ваше спокойствие в первую очередь! Я уже раз сто пнула вас своими ногами и наверняка ужасно утомила.

— Откуда мне было знать, что я возьму в услужение к лорду кого-то? На это я и не рассчитывал, — сердито ответил он, чуть нахмурившись, будто сама мысль о том, что ему приходится объяснять такие вещи, была ему неприятна.

— Почему вы решили меня выбрать? — спросила я немного нервным голосом, в котором дрожала не только тревога, но и упрямое желание хоть что-то понять в этом абсурдном повороте судьбы.

— Ты смешно упала, — коротко бросил он, и в этих словах прозвучала такая ледяная простота, что на мгновение у меня перехватило дыхание.

— Ах, смешно упала... Ну да, точно, — ехидно протянула я, пытаюсь спрятать обиду за колкостью. — Извините, конечно, но я не дурочка. Я не верю, что никто больше не хотел с моими данными, взять меня в услужение из более властных родов. Как же вам удалось убедить, чтобы я отправилась именно к вам, ума не приложу. Может, вы мне и объясните?

— Девушка, уймись. Ты кто такая, знаешь? Я тебе отвечу: служанка, горничная — как хочешь, так и называй. Твоя судьба в руках лорда Андраса, отныне так и будет. А теперь представься ещё раз, позабыл твоё имя.

— Марсела Вернандер, господин... Простите меня, забываюсь временами, — тихо произнесла я, опустив глаза. В голосе не осталось ни ехидства, ни вызова — только усталость и горькое осознание того, какое же несправедливо низкое положение, относительно моей родословной, я занимаю в этом мире.

И тут, среди этой тяжести, я вдруг поняла: этот мужчина не был виновником моего несчастья. Он был лишь вестником чужой воли. Гневаться на него было так же бессмысленно, как кричать на дождь за то, что он мочит тебя до нитки. Не имело смысла и дальше обнажать свои чувства напоказ — они вряд ли кого-то волновали, а мне лишь добавляли вид сумасшедшей, вечно кричащей, дерзкой дамы, что было отчасти конечно правдой. Характер всегда у меня был, как и чувство достоинства.

Я взглянула на него — и вдруг заметила под правым глазом шрам из двух тонких полосок. Они шли параллельно, словно две застывшие слезы, вытекающие из глаза. И вопреки всему, этот шрам показался мне не уродством, а чем-то почти прекрасным — как след пережитой бури, который не сломил, а закалил. Он ничуть не портил его лицо, а придавал ему ту самую суровую, неприступную красоту.

Путь казался бесконечным. Время тянулось, как густая смола, цепляясь за каждую секунду. Глубокой ночью мы наконец остановились. Я вышла сразу же вслед за мужчиной, торопливо, будто боялась остаться в этой карете хоть на миг дольше. Подтянулась, расправляя затёкшие плечи, а затем подняла голову. Из-за тяжёлой тучи выглянула полная луна — её холодный серебристый свет мягко лёг на моё лицо.

Затем я посмотрела на господина. Он стоял передо мной, глядя цепким, пронзительным взглядом — словно коршун, который уже выбрал жертву и теперь лишь выжидал подходящий миг, чтобы броситься. От этого взгляда по спине пробежал холодок, а в груди всё сжалось в тугой узел.

За его спиной высился большой дворец, выполненный в готическом стиле. Остроконечные шпили тянулись к небу, тёмные стены нависали, словно готовые поглотить любого, кто осмелится войти. Он казался мрачным и неприветливым, будто сам воздух вокруг него был пропитан тайной и холодом. В моей памяти тут же вспыхнул дворец на родине — тот, где я, когда-то жила, будучи хозяйкой, а не гостьей. Он был светлым, тёплым, наполненным смехом и жизнью, а этот дворец словно шептал: «Здесь тебе не место».

Господин коротко приказал проследовать за ним, чтобы я осмотрела дворец. И даже пообещал, что меня представят лорду Андрасу. Эти слова должны были звучать как милость, но в них слышалась лишь сухая необходимость — будто меня просто нужно было куда-то пристроить, как вещь, которую наконец доставили по адресу.

Проходя по бесконечным коридорам огромного дворца, я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому своему шагу — он отдавался глухим эхом, будто сам замок был удивлен присутствию кого-то нового. И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось ощущение, что дворец абсолютно не заселен. Во многих местах висела паутина, тонкая и серебристая в тусклом свете факелов, словно призрачные нити, связывающие прошлое с настоящим. Пыль лежала ровным слоем на подоконниках, а воздух был неподвижен, как в забытом склепе.

«Похоже, этот лорд — настоящий отшельник», — мелькнуло у меня в голове, и в этом не было ни насмешки, ни осуждения — скорее горькое понимание: этот дворец стал его крепостью, а одиночество — его бронёй.

Господин шёл уверенным шагом впереди, и даже в этой тишине его присутствие ощущалось физически, как волна холодного воздуха. Его стан был невероятно мужественным и притягательным — в нём чувствовалась сила, не кричащая, а спокойная, словно сталь, закалённая в долгом огне. Спина была такой прямой и мощной, что казалось, будто под пиджаком и правда скрываются массивные наплечники, придающие ему ещё больше внушительности. Каждый его шаг звучал твёрдо, безоговорочно, как приговор и обещание одновременно.

Мне показали кухню, гостинный двор, просторный и гулкий, будто созданный для приёмов, которых здесь не было годами; покои, которые отныне будут моими. А в конце пути меня подвели к двери в главные покои, в которых и жил Андрас.

— Марсела, в эти покои тебе запрещено заходить. Так будет всегда. В них могу входить только я — лорд Андрас, а также мой верный слуга, господин Лафар, с которым ты познакомишься завтра, — отрезал господин в сером костюме, и в его голосе прозвучала такая непреклонность, что спорить было бы не просто глупо — опасно.

— Погодите Вы и есть лорд? — прошептала я, и глаза мои, наверное, стали огромными от удивления. В голове с оглушающей ясностью сложился пазл: вот почему именно он забрал меня к себе в услужение. Другие лорды на подобные мероприятия, естественно, не ездят — приезжают доверители. Но что они могли возразить самому лорду, который пожелал видеть меня на своей службе? Осознание накрыло меня, как ледяная волна.

— Да, всё так. — спокойно произнёс Андрас, чуть склонив голову, будто оценивая не только мою сообразительность, но и то, как я справляюсь с этим внезапным откровением. — Ты спрашивала, почему я выбрал тебя. Так знай: я никому не доверяю, кроме Лафара. В тебе я увидел тот же взгляд, что и у него. «Глаза ведь многое могут рассказать о человеке», — сказал он, приблизившись ко мне. Его голос звучал тихо, но каждое слово падало, как тяжёлый камень в спокойную воду, вызывая круги, которые расходились по всему моему существу. Он приподнял мой подбородок пальцем — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже пробежали мурашки. И когда он посмотрел мне прямо в глаза, мне показалось, что он видит не только то, что лежит на поверхности, но и всё, что я так старательно прячу: мои страхи, надежды, упрямую волю к жизни.

— В ваших чёрных, как ночь, глазах сложно разгадать вас и ваши помыслы, господин. Но будьте убеждены: я оправдаю ваше доверие ко мне. В чём будут состоять мои обязанности? — спросила я, стараясь, чтобы голос не выдавал моих эмоций.

— Работы, как ты могла увидеть, здесь очень много. Ты будешь управлять, по сути, всеми бытовыми вопросами. Хочу, чтобы ты «вдохнула в него жизнь», — объяснял лорд, обводя взглядом пустой коридор, будто показывая не стены, а ту пустоту, которую мне предстояло заполнить. — Теперь это твой дом. Располагайся, разбирай свои вещи. И помни: главная твоя обязанность — моё благополучие. Приказы ты должна выполнять беспрекословно. Свою спесь оставь в прошлом. Я требую одного — верности.

После его пятиминутной речи о важности верности и силе его приказов, я направилась в комнату, в которой, по всей видимости, буду жить ещё долго.

Комната оказалась довольно просторной, но в её тишине было что-то настороженное. В ней имелась своя гардеробная, украшенная тонкой резьбой, которая, когда-то, наверное, радовала глаз, но теперь казалась лишь напоминанием о былой роскоши. Простая кровать с аккуратно сложенным в стопку постельным бельём выглядела почти вызывающе одинокой. А ещё здесь был большой балкон, с которого открывался вид на придворцовый двор. Я подошла к перилам и посмотрела на дорогу, которая привела меня в этот чахлый, заброшенный дворец. Она терялась вдаль, тонкая и серая, как ниточка, связывающая меня с прошлой жизнью, которая теперь казалась далёкой, почти нереальной.

Я аккуратно села на край кровати, будто боялась спугнуть тишину этой комнаты, и уставилась на застеклённую дверь, ведущую на балкон. Стекло слегка мерцало в лунном свете, отражая моё усталое лицо, мои прямые, обычно гладкие, длинные волосы цвета бирюзы были слегка потрепаны.

«Какой же странный день... Странный лорд... И дворец его странный, — крутилось у меня в голове, а мысли цеплялись друг за друга, как колючки, не давая ни на секунду расслабиться. — Андрас точно, что-то скрывает. Зачем спустя столько лет брать себе кого-то в услужение? Он никому не доверяет. Но в чём причина? Какой удар судьбы ему пришлось пережить, что теперь его жизнь в качестве лорда выглядит так будто он похоронил всё, что когда-то любил?»

Я обвела взглядом комнату — пустую, но не враждебную, скорее печальную, словно она тоже хранила чьи-то старые, невысказанные печали. «В дворце нет никого из его рода. Да и вообще, по всей видимости, никого, кроме меня и него. Быть может, он пережил что-то похожее на то, что и я десять лет назад? Потерял кого-то или был предан теми, кому верил больше всего?» — эта мысль кольнула где-то глубоко в груди, и на мгновение я почувствовала странное, почти пугающее родство с этим холодным, неприступным лордом. Не потому, что хотела его понять, а потому, что слишком хорошо знала, как это — нести в себе тяжесть, которую никто не должен видеть.

Из-за того, что здесь никого не было из наших прошлых выпускников, об этом месте мне не было известно ничего. Ни слухов, ни сплетен, ни даже намёков на то, что творится в этих стенах. Я оказалась в полной темноте, где каждый шаг мог привести либо к откровению, либо к пропасти.

Я умылась прохладной водой из кувшина, и её холод на миг прогнал усталость. Потом я прилегла в постель. Простыня была свежей, но пахла не цветами, а чем-то едва уловимо пыльным, как будто её долго хранили в шкафу, дожидаясь, когда кто-нибудь придёт и вдохнёт в неё жизнь. Я свернулась калачиком, подтянув колени к груди, и закрыла глаза. Довольно быстро я уснула — не потому, что усталость отпустила, а потому, что сознание просто не выдержало груза этого дня и отключилось, как гаснет свеча на сильном ветру. Но даже во сне мысли не оставляли меня: я видела обрывки сегодняшнего дня — своё падение, холодный взгляд лорда, дорогу, теряющуюся в темноте. И сквозь все эти образы пробивалась одна упрямая мысль:

«Завтра я приступлю к своим размытым обязанностям. Я не знаю, что мне придётся делать, не понимаю, чего ждёт от меня Андрас, но я справлюсь. Я должна».

И в этой решимости, едва слышной в тишине спальни, было что-то ободряющее — словно даже в самой глухой тьме можно найти крошечный огонёк, за который стоит держаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.